

Ли Гуаньцзин жестом велел Чэнь Кэ приготовить чернила. Он открыл список и выписал имена семи погибших из деревни Шэнь. Подождав, пока чернила высохнут, он сложил бумагу и спрятал её за пазуху, затем попросил Чэнь Кэ известить Гао Цзе о готовности к отъезду, а сам отправился в зал для совещаний к Вэй Жофэну.

Вэй Жофэн только что выслушал доклад Яо Гэсина и, увидев Ли Гуаньцзина, улыбнулся:

— Цзинтянь, ты отлично справился!

— Я, честно говоря, нервничал, но господин Яо меня поддержал, — Ли Гуаньцзин кивнул Яо Гэсину, затем перешёл к делу:

— Господин Вэй, я собираюсь отправиться на север города, чтобы провести семейное жертвоприношение, а заодно хочу заехать в деревню Шэнь.

Вэй Жофэн спросил:

— Маршрут уже продуман?

Ли Гуаньцзин кивнул.

Вэй Жофэн подумал и сказал:

— В пригороде мало людей, возьми с собой больше охраны.

Ли Гуаньцзин улыбнулся:

— Вы меня поняли, я как раз за этим и пришёл!

Помимо двадцати охранников, которых уже выделил Гао Цзе, Вэй Жофэн добавил ещё десять человек. Вся группа выехала через северные ворота и через час с небольшим достигла подножия горы Дагуань. Вдовствующая княгиня, чтобы облегчить проведение жертвоприношений, специально проложила дорогу шириной в один чжан от главной дороги в горы, поэтому путешествие прошло без проблем. Ли Гуаньцзин, видя, что солнце ещё в зените, решил, что времени достаточно, и не стал торопиться. Пока Гао Цзе готовил жертвенные принадлежности, он прислонился к дереву, чтобы ознакомиться с текстом молитвы. Молитва была недолгой, в ней были только слова скорби и молитвы, ни слова о том, кого они поминают, ни о его заслугах при жизни. Лишь расплывчатая фраза «божественные заслуги и святые добродетели» описывала жизнь этого человека, но даже если бы эта фраза относилась к деду Ли Гуаньцзина, это не было бы преувеличением, поэтому трудно было точно сказать, кого они поминают — наследного принца Иня или кого-то другого.

Наследный принц Инь был дядей Ли Гуаньцзина, так что даже если бы они поминали его, это не было бы неуважением.

Гао Цзе всё время беспокоился, что Ли Гуаньцзин начнёт задавать вопросы, но тот без лишних слов произнёс молитву и выполнил все ритуалы, не сказав ни слова лишнего.

Вернувшись на главную дорогу, Ли Гуаньцзин взглянул на небо, вздохнул и остановил лошадь.

Гао Цзе с недоумением посмотрел на Чэнь Кэ, но тот сделал вид, что ничего не замечает. Тогда Гао Цзе сам подошёл и спросил:

— Ваше высочество, почему вы вздыхаете?

— Сегодня мы поминали предков, хотя и не знаем, кто они были. Но, глядя на нас, живых, невольно думаешь, что однажды и мы станем горстью праха. И тогда, возможно, нас некому будет помянуть, или те, кто будет поминать, не будут знать, кем мы были. Это вызывает лёгкую грусть.

Гао Цзе, задетый за живое, покраснел, опустил голову, вытер уголок глаза и сказал:

— Ваше высочество, не думайте так. Вы — наследный сын князя, важный чиновник в столице. Через сто лет потомки будут только восхищаться вами и помнить, кем вы были.

— Жизнь непредсказуема, как мы можем знать, что будет после нас? — На этом Ли Гуаньцзин решил не продолжать, ведь его цель была не в том, чтобы накликасть беду, а в том, чтобы отвлечь Гао Цзе и его людей. Поэтому он остановился, сказав:

— Не будем говорить о таких мрачных вещах! В последнее время у меня мало свободного времени, а сегодня, выехав за город и видя такую прекрасную погоду, я решил прогуляться по окрестностям. Вы ведь тоже устали за эти дни, можете отдохнуть.

— Как это возможно? Ваше высочество, вы здесь незнакомы с местностью...

Чэнь Кэ сказал:

— У нас есть опытные люди из Чанъаня, господин Гао, не беспокойтесь. Мы вернёмся до наступления темноты!

Гао Цзе посмотрел на Чэнь Кэ, затем на Ли Гуаньцзина, видя, что тот молча смотрит вдаль и не собирается менять своё решение, сказал:

— Ваше высочество, оставьте хотя бы половину людей, иначе я не смогу быть спокоен.

Ли Гуаньцзин изначально и не собирался уезжать совсем без сопровождения, поэтому согласился:

— Хорошо, выберите десять человек, чтобы они пошли со мной, желательно тех, кто знает дорогу.

Гао Цзе выбрал десять человек, и когда Ли Гуаньцзин с его людьми скрылись в облаке пыли, он повернулся и спокойно сказал:

— Вернёмся к стеле.

С проводником из местных путь Ли Гуаньцзина стал ещё проще. Когда они достигли пограничного камня деревни Шэнь, из деревни всё ещё поднимался дым. Ли Гуаньцзин, сидя на лошади, задумался на мгновение, затем оглянулся и выбрал по два человека из каждой группы охранников, а также взял с собой Чэнь Кэ, чтобы войти в деревню. Остальные остались у входа.

В Цзяннани много воды, и у входа в деревню Шэнь текла небольшая река, а в самой деревне было несколько прудов. Дома фермеров были разбросаны вокруг прудов. Ли Гуаньцзин, осмотрев окрестности с холма, направился к более бедным домам. Подойдя к глинобитной стене, они несколько раз пытались найти кого-то, но все дома были пусты. Наконец, у

последнего дома они увидели седого старика, сидящего у земляной печи возле курятника и обедающего.

Чэнь Кэ подошёл и спросил:

— Дедушка, где остальные члены вашей семьи?

Старик медленно повернулся, мельком взглянул на одежду гостей, поставил миску и палочки на печь, с явным недовольством встал и быстро что-то сказал.

Ли Гуаньцзин с недоумением посмотрел на местного охранника, и тот перевёл:

— Он сказал, что они пошли работать к помещику.

— Сейчас же время сбора урожая, почему они не работают в поле?

Старик снова что-то сказал, и охранник перевёл:

— Он сказал, что все мужчины в семье погибли, и некому работать в поле, поэтому невестка пошла к помещику.

Ли Гуаньцзин достал из-за пазухи бумагу, развернул её и спросил старика:

— Ваш сын среди них?

Старик махнул рукой и пробормотал что-то, что Ли Гуаньцзин понял: «Я не умею читать».

Ли Гуаньцзин начал читать имена по порядку. Когда он назвал первое имя, старик указал на соседний дом, второе — на другой дом, и так далее. Когда он дошёл до пятого имени, старик замер, его мутные глаза устались на Ли Гуаньцзина. Через мгновение, словно что-то вспомнив, он посмотрел на Ли Гуаньцзина и его людей с ненавистью и страхом, замахал руками и поспешно попытался спрятаться в доме.

Чэнь Кэ быстро перепрыгнул через забор, схватил старика и сказал:

— Куда вы? Мой господин приехал из Чанъаня, из столицы! Если у вас есть жалоба, говорите сейчас!

Старик яростно сопротивлялся, и Ли Гуаньцзин, опасаясь, что Чэнь Кэ случайно причинит ему вред, сказал:

— Отпустите его, пойдём спросим в другом месте.

Услышав это, старик вдруг перестал сопротивляться и быстро заговорил на непонятном языке. Охранник объяснил:

— Он говорит, чтобы вы не спрашивали, господин, не вмешивайтесь...

Ли Гуаньцзин закончил за него:

— Не вмешивайтесь в чужие дела?

Охранник кивнул и продолжил:

— Старик, кажется, считает, что если вы займётесь этим делом, это принесёт им беду.

Ли Гуаньцзин, глядя на список в руках, не хотел просто так уходить ни с чем. Подумав, он достал из рукава серебряный слиток и сказал старику:

— Я задам вам несколько вопросов, а потом уйду, и этот слиток будет вашим. Как вам?

Старик, увидев серебряный слиток, заколебался.

Охранник, немного подумав, всё же посоветовал:

— Ваше высочество, он простой крестьянин, если он внезапно начнёт обменивать слиток на мелкие деньги, это вызовет подозрения.

Ли Гуаньцзин вздрогнул и поспешно сказал:

— Вы правы! Но у меня с собой мало мелких денег, у вас есть?

Несколько охранников и Чэнь Кэ собрали вместе свои мелкие деньги и медные монеты. Старик, увидев деньги, уже был готов согласиться, а теперь, услышав, что они заботятся о его безопасности, ещё больше заколебался. Пока они собирали деньги, он наконец решился и на ломаном официальном языке сказал:

— Входите!

Ли Гуаньцзин, обрадовавшись, поспешно вошёл во двор с людьми.

Глинобитный дом был низким и тесным, поэтому Ли Гуаньцзин мог взять с собой только переводчика. Когда они уселись в доме, старик немного подумал, затем поднялся, чтобы налить воды, но Ли Гуаньцзин остановил его:

— Не нужно, мы скоро уйдём.

Старик сел обратно и жестом предложил Ли Гуаньцзину задавать вопросы.

Ли Гуаньцзин спросил:

— Те пятеро, чьи имена я назвал, и двое, чьи имена я не назвал, — все они погибли на строительстве канала Цзяннань. Вы их знаете?

Старик покачал головой:

— Не семеро, а семнадцать!

Ли Гуаньцзин замер:

— Ты правильно понял?

Охранник ответил:

— Да, он действительно сказал «семнадцать».